

М. Кирквуд

Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева*

Тема идеологии проходит красной нитью через все обширное творческое наследие Александра Зиновьева. Она принимает различные формы, как художественные, так и научные: эссе, монографии, газетные и журнальные статьи, романы (один из них — в стихах), пьеса. Эти работы охватывают период около тридцати лет, начиная с появления в 1976 г. «Зияющих высот» и заканчивая публикацией «Фактора понимания» в 2006 г. Зиновьев всегда утверждал, что является хладнокровным ученым, ищущим объективные законы, которые руководят жизнью больших социальных организаций и что вне зависимости от возможных последствий он всегда стремился найти истину. С другой стороны, изучая его труды, можно заметить, что его интерес сместился с одной позиции к полностью противоположной. Если сначала он анализирует недостатки коммунизма (включая и его идеологию) и стремится предупредить Запад от опасности, зазевавшись, допустить победу коммунизма во всем мире, то позже он становится апологетом коммунистической системы и убежденным, даже воинствующим противником того, что он считал процессом порабощения планеты Западом под руководством США.

Я уверен, что Александр Зиновьев не согласился бы с этим заявлением. Он часто отмечал как «парадокс»,

* *Michael Kirkwood*. Ideology in the works of A.A.Zinoviev, in Hanson, P and Kirkwood, M. (eds.), *Alexander Zinoviev as writer and thinker*. London: Macmillan, 1988. P. 44–60.

что его воспринимали как антикоммуниста и прозападника в течение 1970-х и в большую часть 1980-х, но как антизападника и прокоммуниста в 90-е годы и позже. Но, хотя мы можем согласиться, что он был строго аналитичен в таких своих ключевых работах как «Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма» и (в меньшей степени) «Запад», эти научные монографии являются лишь скромными спутниками художественных произведений, в которых «субъективная» позиция Зиновьева представляется кристально ясной. Например, трудно видеть какие-либо иные мотивы в работах типа «Гомо советикус», «Мой дом — моя чужбина», «Рага Bellum», «Государственный жених», не говоря уже о некоторых отдельных фрагментах «Зияющих высот» и других работ 1970-х и 1980-х годов, кроме желания предупредить Запад о необходимости не допустить даже малейшей возможности советского доминирования. Работы, написанные в горбачевско-ельцинский период, могут рассматриваться как переходные в терминах зиновьевской оценки относительной жизнеспособности (советского) коммунизма и (в прошлом сильно недооцененного) влияния западной идеологии, понимаемого как разлагающее влияние. После развала Советского Союза работы Зиновьева стали не только более критичными по отношению к Западу и к его роли «победителя» в «холодной войне», но Зиновьев также стал значительно более положительно относиться к некоторым чертам старой советской системы. В его последних работах даже выдвигается предположение, что победа Запада в «холодной войне» послужила орудием к уничтожению альтернативного (и наилучшего) пути развития всего человечества.

Изучение и анализ роли идеологии в больших общественных системах, проводимые Зиновьевым, эволюционировали. Например, в своих ранних работах он приходил к следующему заключению о роли идеологии в Советском Союзе: Советский Союз — это «идеологическое» общество. В своих поздних работах он утверждает, что ресурсы и усилия, направленные на идеологию в Советском Союзе, в десять, если не в сто раз меньше того, что уходит на идеологию на Западе. Эти два заключения несовместимы. Следовательно, либо они оба ложны, либо одно из них верное. Как определить, какое из них является верным, неясно. Зиновьев часто делал выводы относительно роли и важности идеологии, просто перечислив типы контекстов, в которых она используется, число людей, включенных в производство и распространение идеологического материала, ряд ритуалов и мест встречи для демонст-

рации идеологических убеждений и т. д. В определенный период он любил утверждать, что ресурсы, отводимые на идеологию в Советском Союзе, превышали ресурсы, отводимые на национальную оборону. Кажется, что он просто перебирает все логически возможные комбинации идеологических переменных, а не приводит реальные статистические данные. Тем же методом он приходит к выводу о превосходстве затрат Запада на идеологию над советскими*. В случае «западной идеологии» Зиновьев сталкивается с еще одной трудностью: она по сути не существует в форме идеологии или по крайней мере не существует в форме централизованной, монолитной системы.

Цель, которую я поставил в данной статье, — это найти, как взгляды Зиновьева на роль и важность идеологии развивались в ходе его творчества. Я вижу четыре периода в этом развитии, связанные с важнейшими процессами в истории Советского Союза и Запада. Я назвал эти периоды следующим образом: 1) «советский период»; 2) переходный период; 3) постсоветский период; 4) глобализация и зарождение сверхобщества.

1. «Советский период» (1976–1986)**

Хотя Зиновьев был изгнан из Советского Союза в 1978 г., работы, написанные в этот период, в основном посвящены его анализу советского коммунизма. Это период, в течение которого он рассматривает Запад как оплот цивилизации, оплот, постоянно находящийся под давлением той силы, которую он потом назовет «альтернативным путем развития человечества», но в этот период рассматривает как постоянную угрозу цивилизации***.

* Без сомнения, этот подход исходит из принципов, которые он выдвигает в своей «Логической социологии», особенно тех, которые основываются на «комбинаторике».

** Кавычки означают, что фраза «Советский период» относится к работам Зиновьева, а не к реальным историческим событиям. Я отношу к этому периоду следующие работы: «Зияющие высоты», «Записки ночного сторожа», «Светлое будущее», «В преддверии рая», «Без иллюзий», «Желтый дом», «Мы и Запад», «Коммунизм как реальность», «Гомо советикус», «Мой дом — моя чужбина», «Ни свободы, ни равенства, ни братства», «Нашей юности полет», «Евангелие для Ивана», «Die Diktatur der Logik», «Иди на Голгофу», «Die Macht des Unglaubens», «Para Bellum», «Рука Кремля», «Государственный жених».

*** Я рассматриваю отношение Зиновьева к Западу в течение этого периода в следующей работе: *My i Zapad - Zinov'ev's View of the West' in Arnold Mcmillan (ed), Under Eastern Eyes, Macmillan, London, 1991. P. 102–114.*

Есть соблазн начать эту главу цитатой из последней книги Зиновьева, которая вполне могла бы послужить эпиграфом: «Игнорируйте официальную идеологию. Любое уделенное ей внимание лишь укрепляет ее»*. Этот совет, который время от времени можно найти в работах Зиновьева, в данном случае выражен менее сжато, но не менее твердо**. Это совет, которому сам он не последовал. Споры об идеологии присутствуют во многих его работах, и недавно он написал целую книгу на эту тему***. Целью этой книги является поместить и классифицировать эти споры под серией заголовков, что позволит нам представить в системе взгляды на роль и значение идеологии в коммунистическом обществе.

Давайте начнем с того, что решим, как мы будем интерпретировать термин «идеология». В «Советском академическом словаре» дается следующее определение этого термина: «система взглядов, идей, представлений, характеризующих отдельное общество, класс или политическую партию»****. Зная реальную роль идеологии в советской системе, нельзя не признать это определение слишком скромным, почти самоуничтожающим. «Оксфордский словарь английского языка» дает более развернутое определение. Идеология: 1. Наука об идеях; О происхождения и природы идей; 2. Идеал или абстрактное размышление; теоретизирование в воображении. 3. Система идей, относящихся к феноменам, особенно социальной жизни; способ мышления, характерный для класса или индивида*****. По Зиновьеву, идеология — это одновременно и доктрина, руководство к действию, и «магнитное» поле, влияния которого трудно, если не невозможно, избежать*****. Понима-

* Зиновьев А. А. Иди на голгофу. Lausanne: l'Age d'Homme. 1985. С. 140.

** См., например: Зиновьев А. А. В преддверии рая, С. 360.176–177.

*** См., например, «отрывки» из «книги» Сландерера в: Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Lausanne: l'Age d'Homme, 1976. С. 142–143, 147–149, 152–153, 156–157, 162, 163–165; Зиновьев А. А. Светлое будущее. Lausanne: l'Age d'Homme, 1978. С. 170–171; Зиновьев А. А. Записки ночного сторожа. Lausanne: l'Age d'Homme, 1979. С. 57, 63–64; В преддверии рая. С. 305–306, 312, 316–317, 410–411, 420–421, 430–431, 444–445, 530–531, 539–540, 544, 546; Зиновьев А. А. Без иллюзий. Lausanne: l'Age d'Homme. 1979. С. 25–33, 35–43; Зиновьев А. А. Желтый дом. Lausanne: l'Age d'Homme. 1980. Vol. I, С. 38, 48–49, 54–55, 150–151, 176–177; Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Lausanne: l'Age d'Homme, 1981. С. 193–212. Упомянутые книги — Die Macht des Unglaubens: Anmerkungen zur Sowjet-Ideologie, Piper, Muenchen, 1986 и «Идеология партии будущего». М.: Алгоритм. 2003.

**** Словарь современного русского языка. АН СССР. М., 1956. С. 47.

***** The Shorter Oxford English Dictionary (OED), Oxford University Press, 1973. Vol. I. P. 1016.

***** Желтый дом. Том. I. С. 48.

ние термина «идеология». Зиновьевым существенно отличается от только что процитированных определений. Для Зиновьева основой идеологии не является класс (классовая принадлежность), она не ориентирована на какой-то класс. Идеология для Зиновьева — не наука. Поэтому он отбросил бы первое предложенное «Оксфордским словарем английского языка», но принял бы второе и первую часть третьего определения, данные этим словарем. Его собственное определение таково: идеология — это комплекс идей, который по намерению или результату формирует в людях специфический тип сознания, адекватного условиям их социальной среды, сознания, которое одобряет одни формы поведения людей в данном обществе и осуждает другие*. До конца главы мы будем использовать термин «идеология» именно в зиновьевском смысле.

Давайте сначала рассмотрим идеологию как комплекс идей, или доктрину. Например, именно в качестве комплекса идей марксизм-ленинизм привлек наибольшее внимание. Большинство людей, пишущих на тему марксизма-ленинизма, изо всех сил стараются проследить эволюцию марксизма в интерпретации Лениным в его работах. Они также пытаются выяснить предел возможности модифицировать исходную теорию в свете меняющихся обстоятельств и событий, которые Маркс (и Ленин) не могли предвидеть, или оценить вклад в марксистско-ленинистскую мысль современных идеологов, генеральных секретарей КПСС, ведущих авторов в партийных газетах и журналах и т. д. Конечно, часто существует огромная разница между тем, что Зиновьев называет «классикой» марксизма и ленинизма, т. е. подлинными исходными текстами этих авторов и текстами, созданными для массового потребления. Первые выступают как истинный, чистый «источник», но не используются в качестве идеологических текстов, поскольку слишком сложны. Чтобы иметь успех, идеологические тексты должны быть легко понятными широким массам людей**.

Зиновьев любит напоминать своим читателям знаменитое ленинское замечание о том, что спустя пятьдесят лет после смерти Маркса очень немногие читали его и еще меньше людей понимают его правильно. Он применяет данное замечание к работам самого Ленина. Тем не менее из этого нельзя заключить, что Зиновьев высоко оценивает интеллектуальные достоинства работ Маркса

* Зиновьев А. А. Ни свободы, ни равенства, ни братства. Lausanne: l'Age d'Homme, 1983, С. 48.

** Коммунизм как реальность. С. 200; Без иллюзий. С. 32.

или Ленина. Он часто вспоминает, что провел около восьми лет, изучая работы Карла Маркса и пытаясь освоить суть его теории*. На основе этих исследований он написал свою знаменитую кандидатскую диссертацию, которая так никогда и не была опубликована, но циркулировала по Москве**. Вывод, к которому он пришел и который он часто и подробно повторяет — либо от своего имени, либо устами своих героев, — заключается в следующем: то, что писали Маркс и Ленин, было простым словоблудием***. Со строго логической точки зрения, многое из написанного ими, заявляет Зиновьев, — это полная бессмыслица. Однако работы «классиков» составляют «лучшее», что может предложить марксистская мысль с интеллектуальной точки зрения, и именно работы этих авторов, как утверждает Зиновьев, в наибольшей степени изучаются и критикуются западными учеными. Однако «средний продукт», работа среднего ученого, работающего на кафедрах философии в СССР, является лучшим показателем истинной природы советского философского творчества. И Зиновьев утверждает, что качество таких работ крайне низкое, свидетельствующее о деградации, и презираемое в самом Советском Союзе. Поэтому Зиновьева забавляет, когда западные ученые воспринимают работы официальных советских философов-поденщиков всерьез****.

Несмотря на недостаток уважения к интеллектуальному уровню работ классиков марксизма, Зиновьев не отрицает их действительности как источника, из которого, по мере необходимости, могут черпать идеологи. Действительно, практика цитирования «классики» — это то, что он постоянно высмеивает в своих романах. В то же время Зиновьев отрицает, что они когда-либо в каком-либо смысле были «руководством к действию». Он не раз заявлял, что революция породила нужду в идеологии, во-первых, с целью легитимации положения руководства и, во-вторых, для мобилизации населения и направления его по определенному пути. Так случилось, что марксизм-ленинизм был легко доступен. Опять

* См., например, интервью «Год на западе», приведенное в «Без иллюзий», (с. 123).

** Коммунизм как реальность, С. 39. Диссертация Зиновьева была опубликована практически 50 лет спустя после защиты. См.: *Зиновьев А. А. Возвращение от абстрактного к конкретному.* ИФ РАН, М., 2002.

*** См., например, его замечания относительно интеллектуальных достоинств Маркса, Энгельса и Ленина в работе «О социальном статусе марксизма», приведенной в «Без иллюзий» (с. 27–28).

**** Желтый дом. Том 1. С. 42. Для более подробного знакомства см. его «О советской философии» в «Без иллюзий» (с. 35–43). Зиновьев относится более уважительно к марксистской доктрине в своих поздних работах.

же, следует помнить, что не работы самих Маркса и Ленина использовались в качестве идеологических текстов для массового потребления. В эпоху широко распространенной неграмотности и очень низкого уровня общей культуры тексты, написанные для образованной элиты, были бы совсем бесполезны. Именно Сталин приспособил марксизм-ленинизм для масс и сформулировал его суть так, что она стала доступной для масс простого населения*. Согласно Зиновьеву, кризис, с которым столкнулась сегодня советская идеология, коренится в том, что интеллектуальный уровень доктрины более не адекватен высокообразованному населению, чей культурный уровень гораздо выше того, что был в эпоху Сталина**. Единственным добавлением ко всей марксистско-ленинистской мысли со времен Сталина является слово «развитой», помещенное перед словом «социализм».

Независимо от того, каков интеллектуальный уровень доктрины, сама она остается неизменной по сути, продолжая проповедовать евангелие коллективизма, превосходство социализма над капитализмом и неизбежность коммунизма. Превозносятся добродетели патриотизма и интернационализма (который все более упоминается в связи с отношениями между национальностями внутри Советского Союза), а также долг защищать социалистическую родину от ее врагов.

Идеология и наука

В Советском Союзе претендуют на то, что марксизм-ленинизм превосходит любую другую идеологию, поскольку он «научен». Только он якобы предлагает истинную научную картину мира, так как он один вооружен теорией, объясняющей развитие мира до сего дня и предсказывает путь, по которому мир должен «неизбежно» развиваться. Если существует аспект советской идеологии, который Зиновьев атакует больше всего, то это ее претензия на научность. Снова и снова он показывает, что претензия эта полностью несостоятельна. Иногда Зиновьев разворачивает свою критику, противопоставляя «язык науки» «языку идеологии». В то время как цель первого — дать точные, ясные, недвусмыс-

* См. «О Сталине и сталинизме» в: *Зиновьев А. А. Мы и Запад*. Lausanne: l'Age d'Homme. 1981. С. 12.

** «Ideology comes to the fore (2)», *Soviet Analyst*. Vol. 12. No. 19, 28 September 1983/С. 6. В частности, см. его статью «Идеологический кризис» в: *Ни свободы ни равенства ни братства*. С. 90–91.

ленные, поддающиеся проверке определения, создать теории, открытые для критики и опровержения, второй стремится к туманности, упрощению, непроверяемости, пристрастности и т. д. Это не означает, что идеология не может пользоваться языком науки, не может идентифицировать себя с наукой, не может использовать науку для своих собственных целей. Напротив, Зиновьев указывает, что советская идеология как раз делает все это. Тем не менее она не является наукой. Научные тексты по определению — тексты, предназначенные для чтения относительно малым, посвященным кругом читателей. Они не могут быть поняты широкими массами. Попытки «популяризировать» научные открытия и сделать их доступными для публики в форме, в которой публика сможет их понять, неизбежно упрощают природу этих открытий до такой степени, что между «популярным» изложением этих открытий и их истинной научной природой остается мало общего. Не случайно советская идеология идет на многое, чтобы ознакомить советское население с происходящим в научном мире, поскольку тем самым она прибавляет респектабельности. Согласно реалистическому, если не циничному, взгляду Зиновьева, все, что поддается пониманию масс, ненаучно по определению*.

В других случаях Зиновьев нападает на официальную марксистско-ленинистскую идеологию, стремясь определить значение таких ключевых понятий, как «класс», «базис», «надстройка», «экономические отношения», «владение», «собственность», «производственные отношения» и т. д. Он подвергает их беспощадной критике и с завидной легкостью и ясностью показывает, как легко они рушатся, когда их рассматривают с логической точки зрения**.

Однако идеология не просто не наука. Она глубоко антинаучна. Прежде всего Зиновьев подвергает ее критике за то, что марксизм был попыткой оправдать и абсолютизировать априорный взгляд одного человека на определенное общество в определенный момент его развития. Категории, которые Маркс изобрел как средства описания этого общества, не только не подходят для этой цели, но и полностью неприменимы к обществу советского типа, т. е. социалистическому, посткапиталистическому обществу. Советская идеология использует марксизм не только как средство разжига-

* Soviet Analyst. Vol. 12. No. 18, 14 September 1983. P. 7. См. также: Зияющие высоты. С. 142—143; Коммунизм как реальность. С. 201—203.

** См., например: В преддверии рая. С. 357—362; также см.: Записки ночного сторожа. С. 48—49; Светлое будущее. С. 54—56; Мы и запад. С. 31—38; Коммунизм как реальность. С. 197—199.

ния антизападных настроений, но и как средство скрыть от советской общественности истинную природу общества, в котором она живет*. Один из главных тезисов Зиновьева заключается в том, что в то время как коммунизм осуществил все свои намерения и достиг всех своих целей (в институциональном плане больших изменений не будет), мир все еще ждет открытия научной теории, которая позволит адекватно проанализировать это общество. Это, конечно, прямая противоположность и вызов советскому подходу, согласно которому до коммунизма еще далеко (причем со временем — все дальше и дальше), и только в СССР обладают истинно «научной» теорией общества**.

Идеология и религия

Совсем недавно Зиновьев написал книгу, посвященную обоим этим темам***. В связи с этим, возможно, сейчас необходимо отметить следующее: Зиновьев так же стремится показать, что идеологию не надо путать с религией, как и то, что идеология — не наука. Опять же его взгляды на эту тему заметны уже в его ранних работах****. Зиновьев отвергает организованную религию как, во-первых, совершенно не адекватную современной научной эпохе в качестве источника объяснения природных явлений. Эту роль намного эффективнее выполняет идеология. Ни христианство, ни ислам, ни буддизм не адекватны, поскольку ни одна из этих религий не шла в ногу с развитием современной цивилизации. Более того, как организованные религии, они подвержены тому же типу проблем, что и любая массовая организация, т. е. они подчиняются действию зиновьевских знаменитых «социальных законов». Особенно он иронизирует над Русской православной церковью в Советском Союзе, которую рассматривает как советский институт, используемый государством с целью демонстрации превосходства официальной идеологии.

Когда Зиновьев говорит о религии, он имеет в виду нечто приватное и личное, хотя и имеющее некие социальные предпосылки. Последние включают чувство религиозности индивида, присутствие «души», желание лелеять свою собственную индивидуаль-

* Коммунизм как реальность. С. 35.

** Там же. С. 11.

*** Иди на Голгофу. Die Macht des Unglaubens.

**** См., например: В преддверии рая. С. 357–362, также «Записки ночного сторожа». С. 48–49; Светлое будущее. С. 54–56, Мы и запад. С. 31–38; Коммунизм как реальность. С. 197–199.

ность. Вера в существование бога необязательна. Ниже мы скажем больше о зиновьевской концепции религии, но необходимо отметить различия между идеологией и религией, как их видит Зиновьев. Идеология — это «дело» для головы, а религия — для души. В случае идеологии вопрос веры не является решающим. Вера необходима для религии. Идеология и религия очень часто занимают одними и теми же вопросами жизни, но положение идеологии гораздо прочнее, поскольку она может предложить интеллектуально намного более удовлетворительные ответы. Люди, с другой стороны, не нуждаются в идеологии. Она является чем-то навязываемым им извне. Потребность в религии возникает изнутри человека. Церковь в организованной религии — это результат потребности в религии, в отличие от идеологического института, который существует с целью навязывать идеологию людям. Однако люди гораздо более склонны принимать идеологию, так как в противном случае они столкнутся с серьезными трудностями в их жизни. Принятие обществом идеологии и демонстрация им обязательств перед ней не влекут веру в идеологию, хотя вера не исключена и, очевидно, существуют люди, действительно верящие в идеологию. В Советском Союзе идеология находится в намного более благоприятном положении, чем религия, поскольку она гораздо адекватнее обстоятельствам, чем религия.

В столь неблагоприятных обстоятельствах — и это очень характерно для Зиновьева — он изобрел свою собственную религию. В его работах разбросано несколько упоминаний о ней и ее частичных описаний, но подробно она описана в его новой книге. Иван Лаптев — это ответ Советского Союза на Иисуса Христа. Родившийся в маленьком провинциальном городке, он осознает или решает, что он — Бог. Он изобретает религию, которую именует «иванианством», а иногда называет «лаптизмом». Это религия, предназначенная для помощи тем людям в Советском Союзе, которые сделали свой выбор против системы или которые желают сопротивляться коллективистской этике. Она едва ли адресована карьеристам или тем, кто счастлив жить в советской системе как она есть. Подобно Иисусу, Лаптев совершает чудеса, исцеляет больных и проповедует. Параллели проходят сквозь всю книгу: движение Лаптева из Энска в Москву переключается с путешествием Иисуса из Назарета в Иерусалим; распятие Христа на Голгофе — с духовной смертью Лаптева в Советском Союзе. Воскресение Христа имеет аналогом вторичное появление Лаптева в Энске — с тем, однако, отличием, что в то время как Иисус вознесся на небо в качестве Сына Божьего, Лаптев вновь появляется в Энске, «излечен-

ный» от своей веры в то, что он бог. В конце книги Лаптев, кажется, счастлив жить подобно обычному советскому гражданину.

У Лаптева есть оппонент, названный Антиподом. Он часто спорит с Лаптевым о соответствующих достоинствах идеологии и религии в Советском Союзе. Фактически ни один из них не побеждает в споре, поскольку антиподовская «улучшенная» идеология способна «продвинуться» в Советском Союзе не больше, чем лаптевская идиосинкразическая религия. Ясно, однако, что идеология подходит значительному большинству населения больше, чем религия. Как говорит Антипод:

Твоя религия требует самоотречения, самодисциплины, она предлагает тебе взбираться по крутому склону и требует от тебя постоянных усилий в самоограничении. Обычные люди на это не способны. Люди находят, что легче плыть по течению и скорее упасть, чем плыть против течения и карабкаться на гору. Падение — тоже форма полета, в этом вся проблема. И падение достаточно долго, чтобы длиться всю жизнь.*

Хотя в книге есть много разнообразных отступлений, в ее основе лежит серьезная озабоченность автора вопросами морали. Религия Лаптева содержит ядро доктрины, предназначенной помогать человеку вести морально честное существование в крайне аморальной среде. Лаптевский эквивалент десяти заповедей содержит около пятидесяти указаний, относящихся к поведению отдельного человека, которые, если верно следовать им, позволят человеку достичь этой цели. Вот несколько примеров: сохраняй чувство собственного достоинства; держи людей на расстоянии; сохраняй независимость в поведении; не дружи с карьеристами, интриганами, осведомителями, клеветниками, трусами и другими плохими людьми; не влезай в чужую душу и не позволяй никому лезть в твою; не привлекай к себе внимания; обходись без помощи, если можешь; не навязывай свою помощь другим. В своей сумме они складываются в мощный арсенал для защиты индивида в коллективистском мире. Вера в бога необязательна. Что является обязательным, так это позиция, позволяющая тебе вести себя, как если бы бог наблюдал за тобой. Цель Зиновьева — изобрести религию, которая будет адекватна образованным людям с высоким уровнем общей культуры, живущим в эпоху развитой технологии**. Его религия прежде всего служит противоядием от официальной идеологии.

* Иди на Голгофу. С. 74.

** В этом он далеко не один. См. попытку Ниниана Смарта сделать то же самое в его книге «Beyond Ideology: Religion and the Future of Western Civilisation» (London, 1981). Зиновьев дает пространное объяснение своих собственных взглядов на религию в «Les Cahiers Protestants». April 1980. No. 2. С. 7—15.

Идеология и мораль

Коммунистическая идеология производит аморальных людей. Зиновьев утверждал это неоднократно. Его аргументация следующая. При большом количестве людей, живущих в обществе в течение длительного периода времени, в действие вступают универсальные «социальные законы», сводящиеся к формуле «собака ест собаку». Цивилизацию можно рассматривать как историю изобретения ограничений, препятствующих действию этих законов. Примерами являются институты, которые мы ассоциируем с западной демократией: свобода слова, свобода собраний, власть закона, религия, оппозиция и т. д. В таких обстоятельствах развивается форма морального поведения, которую Зиновьев называет «личной моралью», или «моралью индивида». Идеальный коммунистический человек, напротив, не есть моральное создание:

Во-первых, марксизм предполагает, что человек целиком зависит от обстоятельств своего существования, и его добродетели считаются продуктом идеальных условий жизни, а не его свободной воли. Во-вторых, человека заставляют быть тем, чем он должен быть в теории в результате действия таких сил, как власть, идеология и коллектив. В-третьих, человека принуждают соответствовать идеалу лишь внешне: на практике его обучают поведению с помощью правил коммунальности. Эти последние ограничены коллективом, властями и идеологией только с целью сохранения общества, которое само основано на законах коммунальности.*

Речь не идет о том, кто морально выше — западный гражданин или советский. Зиновьев сам утверждает: то, что «морально», необязательно является хорошим, а то, что «аморально», необязательно является плохим. (Соглашаться или не соглашаться с Зиновьевым — другой вопрос.) По-настоящему важный вопрос заключается в том, думают ли и действуют ли советские люди в целом отлично от несветских. В некоторых отношениях — явно да. В контексте советского общества от людей требуется конформизм, его частая демонстрация. То, что люди думают и говорят в частной жизни, может сильно отличаться от того, что они говорят публично. Однако ведет ли цинизм, который такие обстоятельства воспитали во многих советских гражданах, к заключению, что «люди везде одинаковы»? Могут ли они вообразить обществен-

* Коммунизм как реальность. С. 209.

ную систему, в которой зиновьевские «социальные» или «коммунальные» законы действуют с меньшей силой, или они допускают, что людей на Западе так же часто заставляют действовать тем же «двуликим» образом, что и многих из них? Зиновьев неоднократно обращает внимание на недостаток доверия между людьми в Советском Союзе и между властями и населением в целом:

Люди не верят в моральные качества своих соседей и не рассчитывают на них. Это фактически является глубочайшим источником аморальности в обществе.*

Одной из самых поразительных черт советского общества является степень, в которой люди являются объектом наблюдения и недоверия**. Один из примеров — практика досмотра в советских супермаркетах сумки с покупками каждого покупателя после того, как он заплатил, с целью проверки соответствия покупок чеку. Воспитывает ли подобная практика чувство презрения к людям и убеждение, что, поскольку никто никому не доверяет, не имеет смысла заслуживать доверие? Что происходит, когда советские граждане эмигрируют на Запад? Сохраняют ли они свою «советскость» или избавляются от нее? Зиновьев не сомневается, что советский гражданин обречен быть «советским» на всю оставшуюся жизнь. «Гомо советикус» — целая книга на тему, как советские эмигранты воспроизводят советский тип общества за рубежом.

Советская идеология, говорит Зиновьев, позволяет советским людям плохо вести себя по отношению друг к другу, не испытывая при этом чувства вины. В среде, где все необходимое — дефицит, «безжалостная борьба» за все становится естественным образом жизни. Люди изо всех сил будут стараться, чтобы никто не жил лучше, чем другой. Удары в спину, тайное обвинение, раболепие, взяточничество, коррупция, халтура, обман характеризуют коммунистическое общество. Зиновьев не утверждает, что подобные пороки нельзя найти в некоммунистических обществах, но подчеркивает, что в коммунистических обществах они эндемичны. Центральным в его аргументации является тезис, согласно которому в советском обществе человек обречен не быть истинной ценностью. Зиновьев объясняет прочность коллективистской

* Там же. С. 210.

** В Великобритании в 2007 г. открытое и скрытое наблюдение за населением и предложения анонимно доносить на сограждан становятся, к сожалению, столь же привычными атрибутами «британского образа жизни», сколь и в бывшем Советском Союзе.

структуры советского общества ее простотой. Это гигантское гнездо коллективов со схожей структурой, индивидуальные члены которого действуют в условиях взаимозависимости. «Коллективная» ответственность поощряет личную безответственность. Несмотря на официальную идеологию, поддерживающую идеал преданного человека, который тратит всю свою силу и энергию на строительство коммунизма, демонстрация личной инициативы не ценится другими членами коллектива. Динамизм, энергия, жажда реформы, предложения улучшений, как правило, глушатся и душатся.

Гораздо легче жить согласно догматам официальной идеологии, чем следовать зиновьевским пятидесяти «заповедям». Идеология, воспитывающая веру в то, что интересы индивида должны приноситься в жертву интересам коллектива, позволяет людям подло обходиться с другими людьми без зазрения совести. Поэтому здесь легко осуществлять действия, являющиеся «морально хорошими» с точки зрения официальной идеологии, но «морально плохими» с точки зрения зиновьевской «личной морали». И Зиновьев очень ясно говорит о том, что только человек, осуществляющий данное действие, знает, морально оно или нет. Только сам человек знает мотивы, заставляющие его действовать так, как он действует. Моральное значение имеет не осуществление или неосуществление действия, а лежащие в его основе мотивы. Они неразличимы при наблюдении за самим действием. Зиновьев заходит настолько далеко, что заявляет о глубокой враждебности такой морали в советской системе, и о том, что предпринимаются все усилия для ее подавления:

Мораль в моем смысле вступает в конфликт с идеологической моралью и преследуется в коммунистическом обществе как угроза самим его основаниям.*

Его точка зрения на отношения идеологии и морали сжато формулируется так:

*Весь аппарат морального образования и пропаганды нацелен на обучение людей жить в атмосфере лицемерия, обмана, принуждения, подлости и коррупции, жить согласно законам коммунальности, которые сами ограничены средствами, разработанными все той же коммунальностью с целью своего собственного самосохранения**.*

* Коммунизм как реальность. С. 209.

** Там же. С. 210.

Идеология как руководство к действию

Советская идеология — не просто некий доктринальный кодекс. Она является также «магнитным полем», в котором люди действуют как «заряженные частицы». Они подвержены действию ряда моделей, которые формируют их мыслительные шаблоны и поведение — с тем результатом, что большинство советских граждан склонны думать и вести себя одинаково. Эта точка зрения выражена во многих работах Зиновьева и со всей ясностью представлена в работе «Коммунизм как реальность». Таким образом, идеология имеет два аспекта — философский и прагматический:

Философский аспект относится к ее мировоззрению, т. е. к ее доктрине о мире, обществе, человеке, способе познания. Ее прагматический аспект имеет отношение к практическим вопросам правил мышления и поведения. Именно во втором аспекте мы должны искать ключ к пониманию сущностного смысла идеологии. Практическая идеология общества есть совокупность специальных правил и поведенческих навыков, которые люди применяют в действительно важных ситуациях. Зная это, можно предсказать, как средний идеологически обусловленный коммунистический гражданин будет вести себя в таких ситуациях.*

Степень, в которой советские люди подвергаются идеологическому обучению, едва ли можно преувеличить. Зиновьев не раз обращает особое внимание на то, что идеология в Советском Союзе играет столь огромную роль, что советское (коммунистическое) общество можно определить как *идеологическое общество***. Хотя основания этой системы были заложены до Второй мировой войны, ее рост до гигантских размеров произошел после смерти Сталина, главным образом при Сулове***. Зиновьев утверждает, что она достигла невиданных в истории размеров и является несомненной угрозой остальному человечеству. В тоталитарной системе, для которой характерны тотальная государственная собственность на средства производства и распределения, средства массовой информации и сети связи, отсутствие частной собственности и частного предпринимательства, не существует

* Там же. С. 204.

** Желтый дом. Т. I. С. 38; Коммунизм как реальность. С. 193. См. также его статью «Идеологическое общество» в: Ни свободы, ни равенства, ни братства. С. 79–81.

*** Ни свободы, ни равенства, ни братства. С. 68.

заслона на пути потока идеологии, не существует возможности для распространения иной идеологии. Зиновьев не отрицает влияния «разлагающегося Запада», которое проникает посредством туризма, иностранного радио- и телевидения, западной поп-музыки и т. д. Но ситуация здесь не такая, как в Польше, где католическая церковь представляет собой «систему», альтернативную официальной властной структуре польского государства, систему со своими собственными «поясами передач», местами собраний, «идеологией» в форме религиозного кредо, чуждого официальной идеологии. Дело не только в том, что в Советском Союзе не существует разрешенной альтернативы официальной идеологии, но и в том, что здесь на идеологическую работу тратятся огромное время и ресурсы. Идеологическое обучение сейчас начинается в детском саду. Ожидается, что каждый ребенок с возраста семи лет станет октябренок. Предполагается, что с этого времени и до двадцативосьмилетнего возраста он будет последовательно становиться членом молодежных организаций, каждая из которых соответствует определенному возрасту. Обязанность этих организаций — «воспитывать» своих членов «в духе коммунизма». Идеологическая работа встроена в основание всей образовательной системы. У каждой молодежной организации есть свои ритуалы, практика, обязательства. Каждый школьный предмет преподается в марксистско-ленинском духе. Таким образом, все учителя, лекторы, профессора одновременно суть идеологические работники. Такая же картина на фабриках, предприятиях, в исследовательских институтах и особенно Вооруженных Силах. Существуют агитационные бригады, университеты марксизма-ленинизма, высшие партийные школы, не говоря уже о Союзе советских писателей и людях, вообще работающих в средствах массовой информации. Согласно Зиновьеву, если рассчитать стоимость идеологической работы с точки зрения рабочей силы и ресурсов, то эти суммы окажутся сравнимыми с теми, что затрачены на оборону страны*.

Однако важен не только «материал» идеологии. Не менее важна идеологическая деятельность. Советская жизнь высокоритуализирована в идеологическом плане. Все — с октябренька первого года и до генерального секретаря КПСС — должны демонстрировать свою идеологическую преданность, делать это на людях и часто. Каждый должен вы зубрить определенный объем «доктрины» и быть в состоянии показать, что он действительно выучил

* Коммунизм как реальность. С. 93.

его. В школе или на работе существуют бесчисленные ритуалы, которые заставляют людей принимать участие в идеологических собраниях — будь то обсуждение текущего квартального плана или одобрение партийной линии в отношении Никарагуа. Есть свидетельства, что даже этот объем идеологических обязательств считается недостаточным. Обеспокоенная растущей апатией большого числа молодежи, особенно в менее населенных центрах, партия недавно призвала центры и клубы досуга стать центрами усиления идеологической работы среди молодежи*.

На Западе часто утверждают, что люди в Советском Союзе в значительной степени поддерживают идеологию только на словах и не верят в нее. Предполагается поэтому, что люди не подвержены воздействию идеологии и что, следовательно, идеология не важна. Зиновьев не тратит время на подобные рассуждения. Он неоднократно заявлял, что идеология не требует веры. Пока люди явно принимают ее, этого достаточно. Общественный конформизм, общественное принятие партийной линии является показателем принятия режима, легитимности правителей. Более того, и Зиновьев подчеркивает это, организующая роль идеологии и то, что она ориентирует людей в определенном направлении, имеет огромное значение в коммунистическом государстве. Тем не менее, даже если бы партия распорядилась, что с завтрашнего дня идеологическая работа прекращается, это распоряжение не было бы выполнено, поскольку идеологическая машина выросла до таких размеров, что вышла из-под человеческого контроля. Она не является чем-то, что можно устранить из советского общества, — она есть главная деятельность советского общества**.

Идеология и запад

С тех пор как Зиновьев оказался на Западе, его взгляды на идеологию в Советском Союзе не изменились. В то же время теперь он утверждает, что Запад в той же мере зажат в тиски своей собственной идеологии и что люди на Западе «подвергаются

* См. редакционную статью в «Правде» от 6 января 1986 г.

** Горбачевская политика гласности подорвет это утверждение Зиновьева. Многие западные советологи, с другой стороны, считали, что советская идеология была в основном следствием государственной цензуры. Когда государственная цензура стала во времена Горбачева более мягкой, рост «неформальных организаций» быстро обогнал возможность режима контролировать их и государственный контроль над идеологией, соответственно, становится невозможен.

обработке» в меньшей степени, чем в Советском Союзе*. Это пункт, по которому с ним трудно согласиться немарксисту. Спорным является и существование «западной идеологии», но Зиновьев вполне категоричен:

*Западное общество — это плюралистическое общество, хаотическое во многих отношениях, во многих жизненно важных отношениях не поддающееся контролю из центра, с тенденцией к анархии, своеволию и фрагментации... Это не значит, что Запад полиидеологичен... Идеологическое многообразие, аморфность, хаос, несогласие, вражда и другие явления, указывающие на отсутствие идеологии, которую можно было бы назвать «западной идеологией», фактически суть явления внутри каркаса этой самой идеологии»**.*

Я думаю, что в процитированном абзаце Зиновьев, что называется, хватил лишнего, однако интересно заключение, к которому он приходит:

*Западная идеология, как и советская идеология, разрушает основы цивилизации, которые выстраивались в течение столетий и были предназначены для сдерживания стихийных сил человеческой социальной среды, что они и делали***.*

«Стихийные силы» — это, безусловно, то, что Зиновьев во всех других местах называет «социальными» законами, или «законами коммунальности». Примеры отрицательных черт «западной идеологии», приведенные Зиновьевым, включают «распространение половой развращенности», «распространение супружеской неверности», «принуждение», «гангстеризм», «паразитизм». «Моральные ценности», говорит он, «высмеиваются как старомодные». Здесь вспоминается Солженицын. Вспоминаются также многие люди старше шестидесяти лет, которые воспитывались в совершенно отличной от сегодняшней социальной атмосфере и которые согласились бы с Зиновьевым. Многие люди, которым меньше шестидесяти, также согласились бы с ним. Человечество дрейфует в направлении к коммунизму, утверждает он. Это состояние, которое просуществует многие столетия. Единственная надежда предотвратить его — это бороться с ним:

В борьбе против коммунизма заинтересованы все. Но поскольку исторические обстоятельства влияют на жизни людей и вталкивают различные аспекты их жизни в отно-

* Ни свободы ни равенства ни братства, С. 49.

** Там же. С. 48—49.

*** Там же. С. 50.

сительно самостоятельные отсеки, силы коммунизма и силы цивилизации — это фактически реальные люди и группы людей, различные страны и группы стран. Только в результате непрерывного сопротивления коммунистическому давлению (а не благодаря его устранению, которое в существующем обществе невозможно) цивилизация может быть сохранена и продолжит свое развитие.*

Хотя Зиновьев и оспаривает обратное, трудно не отметить того, что в период до 1986 г. его отношение к советскому коммунизму в основном отрицательное, а к Западу — в основном положительное. Многие из того, что он сказал о морали, и многие его «заповеди» принадлежат традиции западного, протестантского индивидуализма. В этом отношении многое из того, что он говорит, — эхо того, что говорили до него люди, подобные Чаадаеву, Белинскому, Кавелину. Несомненно, он является «западником», каждый, считающий себя славянофилом, подверг бы его острой критике. Многие из того, что имеет сказать Зиновьев о марксистской доктрине, уже было отмечено, хотя, возможно, и менее прямолинейно. Достаточно вспомнить лишь Карла Поппера, Джона Пламенатца, сэра Исаяю Берлина, Сиднея Хука. Где Зиновьев действительно является новатором, так это, как мне кажется, в описании и анализе структуры, роли идеологии в коммунистическом обществе. Его описания и анализ не «научны» в традиционном академическом смысле. Они, по всей вероятности, не были бы приняты к публикации профессиональными журналами по социологии и политике. У него отсутствует «*apparatus scholasticus*». В его работах нет схем и графиков, статистических таблиц и т. д. С другой стороны, он предлагает адекватное описание многих аспектов советского общества, которое по меньшей мере так же ценно, как и более «научные» оценки, имеющие традиционную академическую форму. Он готов предложить теорию, способную объяснить черты, которые отмечают большинство западных исследователей, а именно дефицит, халтуру, очереди, очковтирательство, низкую производительность и т. д. Не приходя в восторг от добродетелей «русского народа», Зиновьев в то же время не клеймит недостатки, которые он объясняет либо «ленью», либо «пьянством», либо особенностями русской истории. Он считает, что эти недостатки в значительной степени обусловлены «практической идеологией», которой люди обучаются с раннего возраста.

* Там же.

2. Переходный период: (1987–1990 гг.)*

Эти годы, по словам самого Зиновьева, можно назвать «периодом растерянности»** автора. Михаил Горбачев приходит к власти в 1985 г., а год спустя обеспокоенность Александра Зиновьева относительно будущего западной цивилизации при угрозе вторжения Советского Союза достигает своего зенита, что отразилось в публикациях вроде «Para Bellum», «Рука Кремля», «Die Macht des Unglaubens» и «Der Staatsfreie», вышедших в 1986 г. Следует также заметить, что еще в 1988 г. Зиновьев по-прежнему считает Советский Союз главной угрозой Западу***.

Известно, что Зиновьев знал о растущей «утечке» западных идей в Советский Союз через различные каналы (например, «вражеские радиостанции» вроде радио «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая Волна» и т. д., визиты обмена между советскими и западными научными, академическими и другими институтами). Тем не менее очевидно, что он долгое время считал Запад уязвимым к советской пропаганде, и подозревал, что во многих областях мира в 1970-х и большей части 1980-х коммунистическая идеология была на подъеме. Подборка его статей, опубликованных в книге, вышедшей под названием «Горбачевизм», содержит рассуждения по поводу ключевых нововведений Горбачева, таких, как «гласность». Для Зиновьева в то время «гласность» — это образец того, как Советский Союз манипулирует западной привычкой интерпретировать советские феномены с точки зрения Запада. Он

* На протяжении этого переходного периода были опубликованы следующие работы Александра Зиновьева: *Le Gorbatchevisme ou les pouvoirs d'une illusion*, Lausanne, L'Age d'Homme, 1987; *Ich bin fuer mich selbst ein Staat*, Zuerich, Diogenes, 1987; *С чего начать?* // *Континент*. 51. 1987. С. 219–239; *Научная критика коммунизма* // *Континент*. 53. 1987. С. 221–242; *Katastroika, Gorbatschows Potemkinsche Doerfer*, Frankfurt/M, Ullstein, 1988; *Gorbachevism*. New York: Liberty, 1988; *Живи!* Lausanne: L'Age d'Homme, 1989; *Манифест социальной оппозиции* // *Континент*. 60. 1989. Рр. 207–231; *Катастройка, Повесть о перестройке в Партграде*. Lausanne, L'Age d'Homme, 1990, // *superpotere in URSS: il comunismo e veramente tramontato?*, Milan, SugarCoedizioni, 1990; *Я хочу рассказать вам о западе* // *Комсомольская правда*. 15 September. 1990. С. 2–3.

** *Зияющие высоты*. С. 300.

*** См., например: *Jede Abruestung ist nur Umruestung*, SHZ-Interview mit Alexander Zinowjew, Schweizerische HandelsZeitung, 28 January, 1988. P. 64; *Gorbachev, je ne miserai pas un sou sur lui*. Paris Match. March 1988. P. 20–21, 123–125; *Conversation avec Alexandre Zinoviev* // *Panorama* (Le mensuel chretien), June 1988. P. 48–53, 82.

утверждает, что «гласность» изначально служит для дезинформации Запада, чтобы заставить их поверить, что Советский Союз на самом деле реформирует свою политику в сторону прозрачности власти. Кроме того, коммунистическая система зависима от секретности напрямую, как от главного рычага общественного контроля. Народ, который держат в неведении, легче управляем. Но, похоже, он мало что может сказать на этом этапе по поводу гласности как главной угрозы централизованному государственному контролю. Скорость распада советской идеологической системы — это прямое следствие невозможности для централизованного государства поспевать за событиями. (Хороший пример — это быстрая дезинтеграция советской политики относительно языка, такая быстрая, что к сентябрю 1989 г. стало очевидно: центральное правительство потеряло контроль над событиями, и несколько значимых политиков высказали опасения относительно выживания самого Советского союза.)*

Тем не менее, начиная с французского издания «Le Gorbachevisme», вышедшего в 1987 г., Зиновьев посвятил себя анализу реформ Горбачева. Он начал с уверенного предсказания их полного провала и восстановления советского status quo. Когда последствия горбачевской политики «гласности» и «перестройки» начали подрывать основания старого строя, Зиновьев весьма обеспокоился будущим советского коммунизма, хотя он и был уверен, что тот выживет. К тому же невозможно не заметить явного изменения в отношении Зиновьева к Западу и его растущий испуг перед уроном, который западные капиталистические политические, социальные и экономические институты наносят советским коммунистическим институтам, особенно навязываясь «сверху». Мрачная иллюстрация к этому приводится в «Катастрожке».

Хотя он смог уверенно предсказать, что коммунистические проблемы не удастся решить с помощью капиталистических решений, он всегда утверждал, что советская идеология является неотъемлемой частью этого общества и что она может быть уничтожена только вместе с самой советской системой. Он тем не менее предвидел будущее советского коммунизма, простирающегося чуть ли не на тысячелетия. Правда задолго до этого он верил, что советская социально-политическая система падет, и одним из ранних проявлений серьезных изменений стал быстрый распад системы

* Я затрагивал эту тему подробно в следующих статьях: 'Glasnost', The National Question' и Soviet Language Policy // Soviet Studies. Vol. 43. No. 1. 1991. Pp. 61–81.

советской идеологии. Этот неоспоримый факт привел к радикальной переоценке автором силы западного идеологического влияния на советское общество.

Зиновьев начинает эту радикальную переоценку в «Кризисе коммунизма», описывая развитие «кризиса» на фоне «настоящего коммунизма», описанного в более ранних работах. Среди прочего Зиновьев обсуждает центральную роль идеологии в коммунистическом обществе и утверждает, что оно шло к кризису еще до того, как Горбачев пришел к власти*. Он утверждает, что идеологический кризис был уже очевиден во время правления Хрущева, имея в виду в основном его сталинистские основания в контексте процесса десталинизации. В основном сталинистская идеология подходила для необразованного населения, но не для высокообразованного населения постсталинского периода. Суслов пытался побороться с этим, критикуя «сталинскую вульгаризацию философии», разрешив обсуждение западной философии и культуры и способствуя связи научных достижений с коммунистической «научной» идеологией. Эти меры помогли улучшить статус идеологии, но в то же время, утверждает Зиновьев, подорвали авторитет марксизма-ленинизма. В самом деле, частично преодолев недостатки сталинистской идеологии, еще более мощная и всеобъемлющая идеологическая машина Сулова фактически подготовила почву для очередного фундаментального идеологического кризиса, затронувшего статус марксизма-ленинизма как идеологии коммунизма. Во время правления Брежнева люди все больше начинали ощущать разницу между коммунизмом, описываемом официальной идеологией, и реальностью, в которой они жили. Марксизм все чаще становится объектом презрения, и хотя он продолжает изучаться миллионами людей, он перестает быть «руководством к действию» для властей**.

Горбачевская политика «гласности» еще больше усилила идеологический кризис и по сути спровоцировала развал советского идеологического аппарата и исчезновение марксизма-ленинизма как официальной идеологии. Что интересно, так это реакция Зиновьева на эти события. Его первоначально презрительное отношение к Горбачеву и его политике, выраженное в «Горбачевизме»,

* Коммунизм как реальность // Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994, 412–416.

** Зиновьев и сам с презрением писал об официальной идеологии и марксизме в ряде своих ранних работ, в частности в «Зияющих высотах», «Светлом будущем», «Желтом доме».

сменилось тревогой и возмущением в «Кризисе коммунизма». На самом деле не будет преувеличением сказать, что Зиновьев был глубоко шокирован той скоростью, с которой то, что казалось ему стабильной социополитической системой, буквально развалилось на глазах.

Что шокировало его более всего, так это быстрый распад централизованного управления и уничтожение государственной цензуры. В сфере идеологии «гласность» быстро привела к ситуации, в которой официальная просоветская антизападная идеология была заменена ее противоположностью. Более того, власти не только не сопротивлялись ей, наоборот — они ее распространяли. Потеря веры в марксистские идеалы и отрицание марксизма-ленинизма как руководства к действию было воспринято верхними эшелонами власти, которые затем по сути занялись дискредитацией официальной идеологии: это было нечто беспрецедентное в советской истории.

Будучи знакомым с ранними работами Зиновьева относительно советской идеологии, можно было бы ожидать, что он с радостью примет ее кончину. Но напротив, он встревожен, что партийная верхушка смогла избавиться от марксизма-ленинизма в такие краткие сроки именно в тот момент, когда его постулаты, по мнению Зиновьева, были важнее всего. Кроме того, примеру, поданному верхушкой, последовали те, кто был включен в идеологический процесс, ведом, по словам Зиновьева, «дезертирами» марксизма, которые должны были охранять его. Бесцеремонно «отбросив» официальную идеологию, Горбачев обратился к академическому сообществу за советом. Но профессиональные ученые, которые на протяжении десятилетий были заключены в строгие рамки ограничений, навязываемых им официальной идеологией, не смогли предложить адекватной научной теории взамен. В итоге последовал поток несоизмеримых и раскоординированных квазинаучных теорий из различных источников: советских, антисоветских, диссидентских, западных, и в итоге настал хаос. Единственным разумным ответом в этих обстоятельствах, утверждает Зиновьев, было отказаться от них всех и обратиться к здравому смыслу. К сожалению, предложения здравого смысла были интерпретированы как проявления консерватизма, брежневизма и даже сталинизма.

Тут мы должны отметить, что якобы хладнокровный, беспристрастный и научный подход Зиновьева-Социолога и Зиновьева-Логика часто сменяется его страстным, субъективным и — можно ли так сказать? — идеологическим подходом Зиновьева-Писателя, Зиновьева-Патриота и Зиновьева-Великого Вопрекиста (по

удачному выражению Андрея Фурсова)*. Например, почему он выступает как антисталинист в самый опасный период советской истории, т. е. в 1930-е? Почему затем пишет книгу (в 1983 г.), восхваляющую великую роль Сталина в создании Советского государства? Почему он предпочел провести десять лет (1976—1986 гг.), срывая личину с истинного лица советского коммунизма и описывая угрозу, которую он представляет для Запада и цивилизации, а затем провести остаток своей жизни, воспевая добродетели коммунистического типа жизни и ведя интеллектуальную войну против того самого Запада, чья незащищенность перед советским захватом его так беспокоила? В другом месте я попытался проследить за очевидным развитием и изменением зиновьевской точки зрения**, но мне кажется, что именно во время переходного периода Зиновьев перемещается с позиции «антисоветской, прозападной, к позиции просоветской, антизападной». Относительную неожиданность этого перехода я склонен приписать тому факту, что до 1985 г. он не предполагал возможность падения советского коммунизма в ближайшие несколько тысячелетий, не то что в ближайшие шесть лет. Учитывая его постоянное тщательное изучение природы коммунистического общества, этот распад не только шокировал, но и смутил его***. Так, «научные» утверждения, которые Зиновьев-Социолог выдвигает по поводу падения советской идеологии в «Кризисе коммунизма», перекликаются с яростью юноши-неосталиниста в Партграде, оставшегося верным коммунистическим идеалам****. В то же время его отношение к Западу радикально меняется. Ранняя критика разных аспектов жизни Запада, намеченная в «Без иллюзий», развивается и расширяется к концу «переходного периода» в таких публикациях, как «Я хочу рассказать вам о Западе»*****. С этого момента Зиновьев посвящает себя анализу Запада в той же, если не в большей мере, чем анализу советского коммунизма.

* См.: *Фурсов Андрей*. О великом вопрекисте // Феномен Зиновьева. М., 2002, Современные тетради. С. 40—64.

** См. мою работу *Will the real Alexander Zinoviev please stand up?* *Rusistika*, June 1995, No. 11, P. 10—22.

*** На самом деле он даже мог чувствовать себя частично ответственным за произошедшее! Не выражает ли «Pisatel» in «Ispoved» (*Russkii eksperiment*, Moscow: Nash Dom — l'Age d'Homme, 1995. P. 52—53) мысли, которые Зиновьев мог чувствовать и сам?

**** Катастрофка. С. 123.

***** Комсомольская правда. 1990. 15 сентября. С. 2—3.

3. Постсоветский период (1991–1995 гг.)

Оценку роли и важности идеологии в работах Александра Зиновьева, написанных в этот период, нужно проводить в контексте зиновьевской «переориентации». Начиная с «Катастройки» фокус его анализа смещается с Востока на Запад. До конца своей жизни он будет вести идеологическую войну с Западом, выпуская бесконечное количество книг, статей и интервью, развивающих и повторяющих следующие идеи: Советский Союз предало собственное руководство; Запад выиграл «холодную войну» (для Александра Зиновьева это было сюрпризом); Запад намеревается и всегда намеревался колонизировать Россию и уничтожить ее как мировую державу, удалить ее со «сцены истории»; Запад намеревается колонизировать планету в своих собственных интересах; Западная идеология загрязняет планету бесконечным потоком интеллектуального «фаст фуда», созданного, чтобы оглупить население до такого уровня, что интеллектуальное сопротивление станет невозможным. Вдобавок к этому он предлагает свою собственную «анатомию» западного общества в работе «Запад» и ее проекцию в качестве нового мирового порядка в книге «Глобальный человек». Тем не менее, обратившись к изучению Запада, он продолжил свой анализ развития постсоветской России, результатом чего стали публикации работ «Посткоммунистическая Россия» и «Распутье», социологического романа «Русский эксперимент» и его пересмотренной и расширенной автобиографии «Исповедь отщепенца».

Книга Зиновьева «Запад» содержит его первое «полноценное» осмысление Запада, аналогичное по охвату по сравнению с «Коммунизмом как реальностью». Несмотря на его часто подчеркиваемый хладнокровный, объективный, научный подход к изучению социологических феноменов, нельзя не заметить некоторую «предвзятость» в обеих книгах. На обложке первого издания «Коммунизма как реальности» была иллюстрация в виде карикатуры, нарисованной самим Зиновьевым, изображавшей двух крыс, чьи хвосты связаны друг с другом и которые одновременножимают друг другу руки и стискивают друг другу горло. Также на обложке «Запада» помещена карикатура Зиновьева, изображающая достаточно безобразную Статую Свободы, правая рука которой изображает русскую версию «привета двумя пальцами». Более того, подзаголовок «Запада» — «Феномен западнизма». А представителей Запада он называет «западоиды». Здесь мы видим, как мне кажется, достаточно вопиющий пример

идеологической «окраски» того, что претендует на хладнокровный научный анализ. Это не должно нас удивлять. В своих социологических работах Зиновьев никогда не оперировал принятыми параметрами научного дискурса*. Но в описываемый период он ведет кампанию «воинствующей социологии», напоминающей о «воинствующем атеизме», превалировавшем в бывшем Советском Союзе. То есть он добросовестно и открыто препарировал западный общественный строй, давая понять, что он рассматривает победу Запада в «холодной войне» как победу «врага». «Западнизм» тем не менее получает техническую значимость в «Западе», несмотря на его негативные коннотации**. Рассматривая то, что Зиновьев считает историей эволюции идеологии «западнизма»***, мне кажется, что его уничижительные слова «технический термин» в первую очередь относятся к идеологии, которая дает приоритет индивиду перед коллективом и, следовательно, развитию «Я (=западоид)-общество» по сравнению с «Мы-обществом».

Зиновьев говорит много интересного относительно важности идеологии для правильного функционирования больших общественных организаций, сравнивая и выделяя различия между ролью и функцией идеологии в коммунистической системе и на Западе. Мы помним, что для Зиновьева идеология играет очень важную роль в коммунистическом обществе, так что это общество можно даже назвать идеологическим****. В «Западе» ему приходится потрудиться, чтобы разработать теорию западной идеологии, учитывая, что для многих жителей Запада («западоидов») ничего подобного не существует. Зиновьев утверждает, что «западиоды», особенно те, кто действуют в «идеологической сфере», с осторожностью относятся к этому термину, предпочитая его использовать в основном в связи с прилагательными вроде «коммунистическая», «национал-социалистическая», «фашистская» и т. д. Частично это происходит из-за того, что на Западе не существует государственной идеологии в форме навязанного сверху комплекса доктрин с соответствующим идеологическим «аппаратом». Как замечает Зиновьев, «каждый советский школьник знал,

* Забавно, что «Запад» — его единственная книга по социологии из тех, что я знаю, в которой есть приличный «научный аппарат», прилагаемый в конце в форме сносок и примечаний.

** Некоторые мои русские друзья очень помогли мне в разъяснении коннотаций этого слова.

*** См. С. 275—277.

**** Коммунизм как реальность. С. 193

что означает «идеология», понятие, совершенно незнакомое его сверстнику-западоиду»*.

Для лучшего понимания проблемы будет полезно очертить круг замечаний Зиновьева по поводу идеологии, используя некоторые употребляемые им самим заголовки. Я выбрал следующие, которые, как мне кажется, содержат самую суть его мышления: сфера идеологии, «западоидная» сфера идеологии, основные черты западоидной идеологии, идеологическое окружение, «уровни» идеологии, «бесклассовость» «западоидной» идеологии, субъективизм «западоидной» идеологии.

Сфера идеологии

В ней есть три основных компонента: а) идеологическое «содержание», т. е. корпус идей, концептов, доктрин, мнений и т. д.; б) идеологический «механизм», т. е. комплекс людей, организаций, институтов, предприятий и т. д., связанных с производством и распространением идеологических «товаров и услуг»; с) идеологическая осведомленность людей как последствие влияния а) и б).

«Западоидная» сфера идеологии

Зиновьев различает идеологическую сферу стран Запада и особую «западоидную» идеологическую сферу. Первая может содержать разнообразные виды идеологии, включая «западоидную». Последняя, таким образом, является частью первой, но особой частью. Это один из «оплотов» западного общества. Здесь Зиновьев задает вопрос, почему люди на Западе верят, что нет такой вещи, как западническая идеология. Для него это связано в основном с тем, что термин «идеология», как правило, как это было отмечено ранее, использовался для описания чуждых идеологий, таких, как «коммунизм» и т. д. Но дальше он демонстрирует удивительное наблюдение. Отсутствие объединенной государственной идеологии и государственного идеологического «аппарата» не означает отсутствия других способов обеспечить идеологическую промывку мозгов населения. Зиновьев придерживается мнения, что эффективность западоидного идеологического механизма достигает схожего воздействия, что и в контролируемой системе Со-

* Здесь я впервые пишу о книге Зиновьева «Западнизм». Я подчеркиваю, что, используя термин «westernoid» в качестве перевода к «западоид», я чувствую, что участвую не в научной дискуссии, а в идеологическом споре. И это несмотря на мое восхищение многими прозрениями Александра Зиновьева, бывшего советского гражданина (я не использую термин, который он использует в «Гомо советику»), которые он высказывает мне относительно моего общества.

ветского Союза, однако еще более эффективно. Кроме того, это относится не только к обычным гражданам, но и к профессиональным социальным философам:

Например, даже в вульгарной газетной пропаганде редко можно было встретить такие восторженные дифирамбы частной собственности, капитализму и прочим атрибутам западнизма, как в претендующих на высшую научность книгах Хайека, Поппера и других представителей идеологической элиты Запада.*

Мне сложно принять вышеприведенное утверждение как «научное» или «объективное», а не «идеологическое». Мне интересно: каковым бы оно считалось в терминах зиновьевской «логической социологии»? Я не верю в это утверждение. Более того, хотя это правда, что Хайек и Поппер немного времени уделили социализму, я не думаю, что правильно приписывать их к «идеологической элите». По-моему, такой вещи не существует или, если она есть, она включает представителей радикально противоположных идеологических взглядов. Они были учеными, чьи исследования направлялись правилами академического анализа. Политическая философия и экономика — это поля академических изысканий, в которых разные мнения могут сосуществовать легитимно, пока они отвечают критерию академической законности, обычно на основании «коллегиальной оценки».

Зиновьев утверждает, что западоидная идеологическая сфера была не феноменом, навязываемым «сверху», но продуктом процесса, длившегося многие десятилетия и, возможно, даже столетия. Она развивалась разными путями на разных уровнях. В то же время, пишет он, она установилась в качестве способов организации общества, поощряя стандартизированный взгляд на вещи, как на защиту от оппозиционных сил. Если она не встречала сопротивления сверху (и я согласен, не встречала), как ей удалось установиться в качестве защиты от оппозиционных сил? Он далее утверждает, что есть другие составляющие идеологической сферы, чьи функции включают «умышленную» неправильную интерпретацию особенностей других стран, например России и русских. Я отбрасываю слово «умышленную» на том основании, что хотя могут быть такие гражданские служащие, чья задача — использовать пропаганду, я не верю, что подобная координируемая кампания есть в академическом мире, например, или в сфере масс-медиа.

* Западнизм. С. 273

Тем не менее, поскольку Зиновьев не предоставляет реальных доказательств для своего утверждения, оно неопровержимо на научном уровне. Остается только удивляться, почему ученым хочется исказить объект своих исследований вместо того, чтобы узнать о нем как можно больше.

Базовые характеристики западоидной идеологии

В этом разделе Зиновьев обращается к явному внешнему отсутствию дискретной западоидной идеологии. Как он указывает, здесь нет центрально организованной и официально одобренной идеологической доктрины, как это было в Советском Союзе. С другой стороны, она явно растворена и вкраплена в науку, литературу, искусство, журналистику и религию*. Западоидная идеология выражена в «бесчисленных» монографиях известных ученых, в учебниках для школьников и студентов (?!), в популярных книгах и статьях для широкого читателя, в телевизионных передачах, в газетных и журнальных статьях**. Он утверждает, что западоидная идеология «плюралистична» в том смысле, что она состоит из множества различных идей, доктрин, концептов, направлений мысли. Этот плюрализм тем не менее можно также рассматривать как «разделение труда» внутри «определенного единства» и как выражение индивидуальных предпочтений автора. И он соглашается, что нельзя сформировать логически последовательное целое, просто соединив различные аспекты***.

Мне кажется, что есть неизбежная трудность, которая проистекает из собственного зиновьевского различия «западной» и «западоидной» идеологии. Предыдущий параграф кажется мне доказательством существования феномена, известного на Западе как «свобода слова». Если «свобода слова» — «западоидный» феномен, пусть так, но его великое достоинство в том, что он позволяет выражать и распространять и не-западоидные идеи, теории и идеологии****.

* Западнизм. С. 277.

** Эта позиция Зиновьева кажется мне интересной. Хотя я отрицаю идею, что «западоидная идеология» как-то растворена в указанных областях, Зиновьев, кажется, утверждает (возможно, косвенно), что каким-то образом советская идеология являлась дискретным феноменом, тогда как фактически (как он сам и говорил) все советское общество жило внутри, используя его собственный термин, идеологического «магнитного поля».

*** Западнизм. С. 278.

**** Это, правда, «смешанное благословение», конечно, «смесь» стала значительно более насыщенной с появлением Интернета — «западоидного» изобретения и средства связи, которое, похоже, находится вне контроля национальных правительств или международных «сверхправительств».

Идеологическая среда

Если у Зиновьева были трудности с определением «западоидной идеологии», еще большие проблемы у него возникли с определением «идеологической среды». Очевидно «единство» западоидного идеологического плюрализма (!) сохраняется и распространяется в рамках «идеологической среды» специалистов, работающих в различных институтах, но формирующих определенную «касту». Они изучают достижения прошлого и устанавливают различные типы «канонов», например, в области литературы, философии, естественных наук и т. д. Этот тип организованной деятельности передается из поколения в поколение. Новые члены должны получить определенное образование и продолжить работу своих предшественников по тем же правилам. Появляются различные группы, направления и «школы мысли». Они могут вступить в конфликт, но будут проявлять толерантность и взаимопонимание. Они с легкостью признают друг друга и объединяются свои усилия, чтобы защитить свою среду от внешнего давления и угроз их совместному существованию.

Я не отрицаю основной сути того, что Зиновьев описывает выше, т. е. наличия таких групп или, как он их называет, «каст», но я протестую против использования для их описания термина «идеологические». Мне кажется, что слово «культурные» будет более подходящим.

Уровни идеологии

Высший уровень отражен в публикациях с научными, неидеологическими и творческими заявками. Идеология на этом уровне принимает форму высокопрофессиональной научной респектабельности. Тем не менее, хотя академический профессионализм и эрудиция, проявленные по отношению к некоторым проблемам и открытиям, «достаточно высоки», эти качества сопровождаются банальностью выводов, незнанием объективных законов, руководящих общественной жизнью, предрассудками и пристрастными формулировками. Второй уровень выражается армией людей, задействованных в образовании, распространении новых идей и журналистике. Третий уровень охватывает все остальное, что способно иметь идеологическое содержание: фильмы, романы, телепередачи, школьные уроки, «повседневную пропаганду» (!) и даже рекламу.

Если эти уровни кажутся несколько произвольными, это не так уж важно, поскольку Зиновьев придерживается той мысли, что, с интеллектуальной точки зрения, содержание всех трех уровней

примитивно. С другой стороны, контексты, в которых идеология распространяется, весьма сложны. Идеологическое «лекарство», как замечает Зиновьев, необязательно приятно на вкус. Идеологическую «пилюлю» надо подсластить. Как это происходит? По Зиновьеву:

*Идеологическая обработка населения западных стран вообще построена не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность**.

Опять же мне трудно принять зиновьевскую — могу ли я это сказать? — пристрастную формулировку. Во-первых, с легкостью отбросив все «западоидные идеологические продукты» как «интеллектуально примитивные», вне зависимости от уровня он позволяет себе слишком грубое обобщение. Во-вторых, термин «идеологическая обработка населения» предполагает, разумеется, определенного агента или власть, находящуюся вне идеологической системы.

«Бесклассовость» «западоидной» идеологии

Под «бесклассовостью» Зиновьев подразумевает, что ни один социальный класс не объявляет идеологию своей собственной. Она не принадлежит ни к одной социальной группе, партии или классу. Тем не менее все находится под ее влиянием, включая тех, кто ей противопоставлен. Когда люди читают книги, газеты, журналы, ходят в школу или университет, смотрят фильмы, телевизор, рекламу, слушают своих политиков и других публичных деятелей, они впитывают «западоидную» идеологию и поддаются идеологической промывке мозгов или, как часто это называет Зиновьев, — «оболваниванию». И вновь мне кажется трудным принять это описание западного общества как популяции индивидов с промытыми мозгами, неспособных думать сами за себя, неспособных оторваться от всепроникающего «идеологического» магнитного поля. Его описание напоминает описание всепроникающей идеологии в Советском Союзе.

Эмпиризм «западоидной» идеологии

Зиновьев не оспаривает ценности эмпирической методологии в некоторых условиях, но он утверждает, что эмпирический (по сравнению с теоретическим) подход к исследованию общества во

* Запад. С. 281.

второй половине XX в. настолько доминирует, что он, говоря метафорически, «терроризирует» любую альтернативную методологию. Эти эмпирические методы, по Зиновьеву, превратились из методов научного исследования в инструменты идеологии и пропаганды. Фактическое знание пришло на место понимания. Масс-медиа утопили народ в фактах до такой степени, что уже невозможно ничего понять. Еще одно явное преувеличение со стороны Зиновьева?

Субъективизм «западоидной» идеологии

Под «субъективизмом» Зиновьев явно понимает способность индивида иметь определенные цели и способность планировать, как их достигнуть, умение планировать свои действия и предсказывать их результаты. Для «западоидной» идеологии характерно завышать значимость субъективного фактора и преувеличивать роль отдельных личностей, особенно политиков. Книжные магазины завалены книгами, посвященными личностям, которые якобы являлись главными двигателями исторического прогресса. Вот контекст в котором он делает следующее заявление:

На Западе издевались над культом отдельных личностей в коммунистических странах. Но на самом Западе это же самое делается в масштабах, в сотни раз превосходящих эти страны.*

Я в это не верю. Стоит подумать о культе Сталина и Брежнева, не говоря уже о Чаушеску, то ни один подобный культ на Западе не приходит в голову, за исключением «личностей» вроде Гитлера, Муссолини и генерала Франко. И мы не смеялись над этими культурами. Мы рассматривали их как неизбежное последствие тоталитарного или авторитарного режимов. Несколькими предложениями позже он утверждает, что «индустрия», создающая культ личностей на Западе, так сильна, что западное общество можно считать «культистским» обществом**. И это не столько вопрос признания того, что сделали конкретные индивиды, сколько идеологическое предприятие с целью интеллектуально ослабить население. Это «научное» наблюдение, интересно, или же, может, «идеологическое»? О чьей цели, в конце концов, мы говорим?

Зиновьев далее замечает, что есть такие аспекты в жизни общества, которые не зависят от воли, разумности, желаний, намерений, планов или решений людей, включая выдающихся

* Запад. С. 290.

** Там же.

личностей, аспекты, которые, взятые все вместе, создают «объективный» фактор. Характерным для «западоидной» идеологии, по его мнению, является то, что объективный фактор по сути либо фальсифицируется, либо игнорируется. Я не уверен, что он прав. Он указывает, что выход всей суммы деятельности индивидов в большой социальной системе не совпадает с намерениями или планами этих индивидов. Совершаются ошибки, некоторые действия не являются запланированными, некоторые ведут к непредвиденным последствиям и т. д. С другой стороны, есть целые научные области, посвященные работе больших систем, включая научные исследования параллелей между, к примеру, биологической и экономической активностями. На самом деле под фразой «объективный фактор» Зиновьев подразумевает, что работа общества подчиняется неотвратимым «социальным законам» или, как он часто называет их, «коммунальным законам». Эти законы действуют во всех обществах, знают люди о них или нет. И как он часто писал, их нельзя суммировать в виде формулы «один грызет другого». Зиновьев никогда, насколько мне известно, не предлагал «кодекса» этих «коммунальных законов», хотя он часто приводил примеры человеческого поведения, которые иллюстрируют их.

Это рассмотрение взглядов Зиновьева на «западоидную» идеологию относится в особенности к выбранным темам. Тем не менее в «Западе» он постоянно ссылается на «западоидных» идеологов и пропагандистов, а не социологов, философов, политологов и т. д. Это, с моей точки зрения, усиливает впечатление от карикатуры на обложке, о которой я уже упоминал. На самом деле это напоминает мне следующую историю. Когда я работал в Лондонском университете, у нас была возможность принимать одного советского лектора в год (в 1982 г. или где-то в это время), чтобы помочь нам с программой изучения русского языка, и я помню, как предложил ей прочитать «Светлое будущее», а затем «Желтый дом». Она сказала мне по поводу этих книг: «Это не так, вернее, не только так». То же самое я чувствую по поводу «Запада». Тут много интересных наблюдений по поводу нашего образа жизни с не-западной точки зрения (и уж тем более с не-западоидной!). Тем не менее, мне кажется, что в основном этот анализ слишком тенденциозен, слишком «негативен», чтобы считаться объективным и «научным». Я делаю исключение для последнего раздела, где он более двадцати страниц посвящает сравнению «западнизма» и «коммунизма». Этот анализ показался мне научным, проницательным и взвешенным.

Конечно, в течение этого периода Зиновьев не игнорирует развитие России. Теперь мы переходим к рассмотрению его взглядов на постсоветские попытки конструирования новой идеологии взамен дискредитированной (и уничтоженной) официальной идеологии марксизма-ленинизма. «Русский эксперимент» был опубликован в том же году, что и «Запад». В нем Зиновьев дает социологический анализ подъема и падения советского коммунизма в форме, как он это сам называет, «социологического романа». Если «Запад» можно считать «анатомией» в стиле «Коммунизма как реальности», то «Русский эксперимент» — это побратим, например, «Желтого дома». В «Русском эксперименте» две группы текстов, посвященных непосредственно идеологии; первая дает в основном исторический обзор истоков и развития официальной государственной идеологии Советского Союза, вторая фокусируется на «пагубном влиянии» Запада*. И в «Западе», и в «Русском эксперименте» Зиновьев намечает контуры своей теории, описывающей последствия для мира победы Запада в «холодной войне» и последующего «величайшего перелома в истории человечества»**. Эта теория предоставляет контекст, в рамках которого он развивает свою теорию важности идеологии для функционирования сложных людских сообществ.

Многое из того, что Зиновьев пишет по поводу коммунистической идеологии в «Русском эксперименте», не ново. Тем не менее он подчеркивает то, что считает деморализующим эффектом западного образа жизни, который казался многим советским жителям, как бы они ни были защищены от негативных аспектов жизни на Западе, «Раем на земле», ранее ассоциировавшимся со «светлым будущим» коммунизма. Это отсутствовало в его работах 1970-х и начала 1980-х, когда он был занят опасностями, которые советский коммунизм представлял для Запада. В то время он, кажется, не замечал «скоординированного» желания Запада не только победить коммунизм, но (с его точки зрения) и стереть Россию с исторической карты.

На «идеологическом фронте» Зиновьев после возвращения в Москву мог лишь с удивлением наблюдать, как интеллектуальная среда тщила найти замену идеологии для павшего марксизма-ленинизма. Конечно, учитывая, что до 1985 г. он не обращал осо-

* Русский эксперимент. С. 115–121, 251–263.

** Русское слово «перелом» имеет два значения при переводе на английский: а) «поворотный момент», б) «кризис». Эти два значения, как мне кажется, очень хорошо отражают «западоидную» точку зрения, как и точку зрения Александра Зиновьева.

бого внимания на «западоидную идеологию» и учитывая, что он предостерегал Запад относительно распространения коммунистических идей на планете под эгидой Советского Союза, он поражен неожиданным его падением и пытается найти объяснение. Он приводит серию причин, две из которых основные: а) предательство со стороны советского руководства, в частности, Горбачева; б) координируемая западная «война» против Советского Союза, которая началась еще до Второй мировой войны*. В 2003-м** он дает уничижительный, подробный и беспощадный анализ постсоветского «идеологического пространства». Во-первых, он замечает, что вместо обещанной реформы марксизма-ленинизма «идеологическое пространство» было заполнено потоком западной идеологии, возрождением русского православия (поддерживаемым властями) и процветанием различных сект и шарлатанских доктрин. Он предлагает яркую метафору, говоря, что советским гражданам, тонущим в идеологическом болоте, кинули различные «соломинки», чтобы ухватиться за них (и даже, как он пишет, целые снопы соломы), — их кинули члены политической и идеологической «элиты», чтобы помочь гражданам обрести хоть какую-то идеологическую ориентацию. Это привело к постсоветской реорганизации общества по трем основным параметрам: советизм, западничество и фундаментальный русский национализм. Ни один из них, по его мнению, не оставляет надежды на реализацию. Что касается восстановления Советской системы, это невозможно по той простой причине, что больше не осталось никого, готового бороться за идеалы коммунизма. Они настолько дискредитированы, что даже Коммунистическая партия РФ отказалась от них***.

Он еще более беспощаден относительно шансов «вестернизации» русского менталитета. Но есть еще одна возможная «соломинка», предлагаемая не только «Кремлем», но и также «гражданским обществом», т. е. политическими партиями, общественными и культурными организациями. Идеологический источник этой «соломинки» — Кот Леопольд, популярный персонаж из мультфильма, который предлагает мышам: «Ребята, давайте

* Эти предположения развивались и повторялись Зиновьевым во всех его публикациях, начиная с «Кризиса коммунизма». В «Кризисе коммунизма» (как видно из названия), Зиновьев до конца не верит, что коммунизм падет, хотя и не исключает такой возможности.

** Распутье. М., Elefant, 2005, С. 236–247.

*** Распутье. С. 237.

жить дружно!». Этот кот, утверждает Зиновьев, может считаться основателем нынешней линии в постсоветской идеологии. Не Маркс, не Ленин, а демократ Леопольд. Ельцин — его первый приверженец, который, уничтожив Советскую Россию, обращается к русским с призывом жить в единстве и дружбе, как учил Кот Леопольд. И разумеется, у Ельцина есть последователи, которые дополнили эту доктрину новыми идеями того же высокоинтеллектуального уровня: давайте жить в гармонии, в соответствии с принципами справедливости и в рамках закона!* Самые едкие замечания Зиновьев придерживает для политических лидеров из различных партий, спрашивая их, в каком веке мы живем, в Средневековье, до появления великих мыслителей XVIII и XIX вв., или в XXI в., с опытом великих научных открытий и не менее великих социальных трансформаций XX в.? Они действительно верят, что с интеллектом Кота Леопольда они внесут свой вклад в эволюционный прогресс человечества?***

Что касается «соломинки» русского фундаментализма, поддерживаемой и подстрекаемой русским православием, Зиновьев еще более, если это возможно, потрясен тем, что он читает, видит по телевизору, встречается в беседах. Ему кажется, что он живет не в XXI в., но в самой гуще средневекового мракобесия. С особым презрением он относится ко всем тем членам политической элиты из КПСС, которые, будучи воспитаны атеистами, быстро учатся, как креститься, и возлагают свои надежды на православную церковь, которая желает заполучить себе роль духовного наставника в деле возрождения России. Православная церковь, утверждает Зиновьев, просто узурпировала идеологическое пространство, занятое бывшей государственной идеологией марксизма-ленинизма, таким же образом, как экономическая сфера, создаваемая десятилетиями советской власти и приведенная в хаос вследствие переворота, была узурпирована небольшой группой населения. Сама же идея, что она может стать ведущей силой в объединении русского народа для создания новой России, с его точки зрения, фундаментально неправильно понята. Свобода религии не означает религиозного принуждения. Хотя в России православная церковь распространяет идею, что российское гражданство может получить только тот, кто вольется в ее лоно. Свобода религии тем не менее предполагает свободу оставаться вне религии. Но в нынешней России нет места для нерелигиозной идеологии, включая атеизм.

* Там же.

** Там же.

Зиновьев описывает другие «соломинки» в том же духе, отрицая по очереди русский национализм, русский патриотизм и евразийство. Что остается? — спрашивает он. Его ответ мрачен:

Существующий идеологический беспредел, который со временем может быть истолкован как западный плюрализм на российской почве. Усиление православия. Тоска по всесильной «национальной идее». Конъюнктурные лозунги вроде призыва сплотиться перед лицом мирового терроризма. Пустословие партийных программ, обещающих бороться за все хорошее против всего плохого. Эпоха, когда умами и чувствами россиян владели идеи глобального и эпохального масштаба, безвозвратно ушла в прошлое. Эпоха, осужденная и оплеванная неблагодарными потомками, но непонятая в ее трагическом величии.*

Это мрачное заявление, появившееся в 1995 г., так и не было пересмотрено.

* Распутье. С. 247.